ИСТОРИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

МЫСЛИ К. МАРКСА

А. Б. Баллаев, М. С. Козлова

В современной культуре и практике нашего общества философия оказывается в сложном положении. От нее ждут решения актуальных мировоззренческих проблем, однако реально достигнутые результаты вызывают разочарование. Одной из причин такого положения представляется недостаточная осознанность философами характера своих задач, неудовлетворительный уровень теоретического самоопределения философской мысли. С этой точки зрения весьма интересен взгляд на «ремесло философов», к которому пришел К. Маркс, вырабатывая свой подход к философии, органически вплетенный в систему открытого им материалистического понимания общества [1].

Прямые размышления о предмете, функциях философии в работах советских специалистов, а также значительная часть их продукции свидетельствуют о том, что суть Марксова подхода к философии все еще плохо осмыслена и должна стать предметом особого внимания. От ее уяснения многое зависит как в самой направленности, так и в результативности философского труда. Социальные ожидания, которые вызывал и вызывает, несмотря на многие разочарования, философский разум, могут и должны быть оправданы. С этим чувством и надеждой на отклик коллег авторы приступают к серии статей о предназначении философии, и прежде всего о понимании этого вопроса Марксом.

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОСОФИИ. ИСХОДНОЕ ПОНИМАНИЕ.

Философское творчество К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе их теоретическая полемика с предшествующей философией вообще и немецкой классической философией в особенности, первоначально определялось их исходным пониманием роли и предназначения философа. Такое «предпонимание» сложилось главным образом под влиянием идеалов классической философии. Маркса

вдохновлял сократовский образ философии как жизнепонимания, гегелевское представление о философии как самосознании эпохи, он высоко ценил великую традицию теоретического бесстрашия философской мысли. Сам термин «классика», неоднократно применявшийся Марксом и Энгельсом при оценке своих предшественников, заключал в себе признание их теоретических заслуг.

Немецкая философская мысль, из которой непосредственно исходил Маркс, в целом придерживалась прочно закрепившейся традиции понимания философии как абсолютного, априорного познания первоначал, первопринципов, универсальных категориальных схем миропонимания. Другой стороной этой традиции был сохранившийся в Германии до 40-х годов XIX в. просветительский идеал философии как законодательства разума и философа как судьи, выносящего с позиций «высшей мудрости» приговор всему, что существует. По характеристике Энгельса, «все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» [2].

Идея всеохватывающей критики действительности с позиций разума стала программной в творчестве Канта: «право на искреннее уважение» разум оказывает «только тому, кто может устоять перед его свободным и открытым испытанием» [3]. Весьма сходную позицию в этом вопросе занимали также Фихте, Шеллинг, Гегель. Такое понимание миссии философа нашло отклик у молодых Маркса и Энгельса, воспринявших идейно-методологическое богатство и вместе с тем идеалистические иллюзии предшествующей философии.

Исходное Марксово понимание философии отмечено печатью гегельянства. «Левое крыло» гегелевской школы (Б. Бауэр, А. Руге, М. Штирнер и во многом Л. Фейербах), в рамках которого начиналось философское творчество Маркса, исходило из основоположений гегелевского идеализма, но в понимании задач философии уже несколько отошло от идей учителя. Придерживаясь общей установки философского критицизма в духе традиций Просвещения, младогегельянцы все более расширяли сферы его приложения. От критики христианской религии они переходили к критике права, государства, всего «наличного бытия» Германии. С философским разумом здесь связывались не только теоретические права, но и активное обращение к жизненным проблемам, надежды на революционное изменение социальной реальности под воздействием философских идей. Такие надежды разделял и юный Маркс в первоначальную пору своей деятельности, примерно до 1844 г.[4]

В своих ранних работах Маркс, в соответствии с традицией полагал, что философия призвана разоблачать противостоящие ей типы сознания: религиозное ханжество, догматизм, филистерство, невежественный, мещанский здравый смысл и др. Отношение философа к нефилософскому, непросвещенному сознанию ассоциировалось у него с иронией Сократа [5]. Марксу было близко понимание философии как «мирской мудрости», неоспоримым пред-

ставлялось право философа обсуждать практические проблемы, участвовать в делах реальной жизни. Он уверен: просветив, очистив, изменив сознание людей, философ не только может, но и должен реально изменить действительность. В качестве примера влияния философии на действительность приводилась, в частности, разработанная великими философами прошлого теория государства. Весьма близка к взглядам Маркса также точка зрения молодого Энгельса, наиболее ярко выраженная в его полемических статьях против Шеллинга [6].

В обобщенной форме ранние представления Маркса о философии сформулированы в публикациях «Немецко-французских ежегодников» 1844 г., наиболее полно — в известном письме к А. Руге и статье «К критике гегелевской философии права. Введение». Философская программа молодого Маркса излагалась здесь в связи с размышлениями о роли философии в духовной жизни Германии того времени. По его убеждению, философия была призвана стать в таких условиях теоретически последовательной, наступательной, революционной критикой действительности [7].

Как впоследствии признавал сам автор, его рассуждения о философии по своему смыслу, а особенно по форме носили еще в эту пору традиционный характер. В целом его понимание предмета и метода, основных задач и значения философии базировалось на самой зрелой в немецкой классике и прогрессивной по тому времени системе взглядов Гегеля. Вместе с тем Маркс уже осуществил критическое исследование гегелевской философии права, уже обладал опытом практической деятельности на посту редактора «Рейнской газеты», а также высочайшей профессиональной культурой и разносторонними историческими, экономическими, юридическими и другими знаниями. Кроме того, он был активно занят поиском философских позиций, максимально отвечающих духу времени и собственному революционно-демократическому умонастроению.

Маркс воспринял гегелевские мотивы идеалистически толкуемого примата исторического процесса по отношению к его философскому осмыслению и самостоятельно продолжил поиск в этом направлении. Его представления о задачах философии уже в этот период отличались от взглядов Гегеля. В немецкой школе последователей Гегеля в 40-х годах XIX в. широко обсуждалась тема, условно именуемая «концом философии». В этой броской формуле младогегельянцы выражали стремление освободиться от влияния гегелевской философской системы, преодолеть оторванность философии от действительности, что по-разному понималось представителями данного философского течения. Маркс в начале творческого пути также неоднократно затрагивал данную тему. Она звучала в его докторской диссертации, статьях последующего периода, наконец, в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». Причем взгляды Маркса были во многом реалистичнее и прогрессивнее позиций левых гегельянцев, они заключали в себе элементы нового понимания, которое стало теоретически разрабатываться и терминологически оформляться позднее.

Прежде всего Маркс старался сблизить философию с жизнью. Стремясь преодолеть обособленность абстрактной философской мысли, он пришел к выводу, что философ может и должен спускаться с высот «чистого разума» на «грешную землю», что он вправе брать за отправную точку анализа всевозможные явления реальности и любые формы их духовного осмысления. При этом к области философского исследования были причислены все наиболее злободневные, актуальные проблемы социальной действительности. Понимание философии как «мирской мудрости» Маркс усилил и конкретизировал, преобразив его в образ «философии на службе истории». В его сознании зрело убеждение: многообразные философские проблемы уходят корнями в реальную жизнь, поэтому их решение должно быть в конечном счете делом практики. Философ, по Марксу, должен непосредственно включиться в дела и трудности окружающей его действительности [8], выявить путем теоретического анализа возможности и пути практического действия.

Продолжая размышлять в этом направлении, Маркс открыл для себя новую социальную силу — пролетариат и пришел к выводу о его всемирно-исторической миссии в деле революционно-практического преобразования буржуазного общества в коммунистическое [9]. Но, несмотря на переход к социальным установкам коммунизма, Маркс, в это время еще находился во власти идеалистических представлений о философии как высшей активной силе, задающей ход исторического процесса [10]. В 1844 г. в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» он объявил философию активным двигателем, «импульсом» революционных изменений. Это выразилось и в истолковании роли философии в революционном движении пролетариата, в котором Маркс первоначально склонен был видеть лишь исполнителя-воплотителя воздействия, исходящего из философии (по аналогии с отношением «тело — мозг»).

В работах 1844—1845 гг., по-прежнему высоко ценя идеал беспристрастной критики действительности с позиций философского разума, Маркс вместе с тем пришел к отрицанию гегелевского абстрактно-спекулятивного образа философии как некоей высшей «науки разума», как метафизики. Здесь юный Маркс имел предшественника в лице Фейербаха, развенчавшего в работах «Предварительные тезисы о реформе философии» и «Основные положения философии будущего» (1842—1843) философские конструкции объективного идеализма.

Суть открытия Фейербаха, давшего импульс к отходу Маркса от традиционно-классических взглядов на философию, состояла в следующем. Как неоднократно указывал сам Маркс, Фейербаху удалось раскрыть вторичный, производный характер религиозного мировоззрения, его обусловленность реальными условиями человеческой жизни. Тем самым создавалась возможность для научного объективного исследования религии как исторического явления. Этим также открывался путь к пониманию реальных основ фило-

софского мировоззрения, сколь бы «чистым», самодовлеющим оно ни представлялось. Более того, Фейербах сумел понять, что спекулятивная философия гегелевского типа есть не что иное, как «рационализированная теология». Родство, близость такой философии к религии позволила и к ней применять наработанные процедуры «сведения к земной основе», т. е. материалистического переистолкования ее основных идей.

Отсюда вытекали весьма серьезные выводы. Теряло почву представление об особых правах разума — одна из многих иллюзий, свойственных религии и философии как формам отчужденного, превращенного сознания. Вызревало понимание того, что «чистый», «беспредпосылочный» разум реально имеет под собой множество неявно принятых спекулятивным философом, просто не осознаваемых им предпосылок — как не осознаются религиозным человеком предпосылки его собственных представлений и верований.

Мысли Фейербаха произвели на Маркса большое впечатление. Об этом свидетельствует целый ряд его размышлений в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», «Святом семействе» и ряде менее крупные работ 1844—1845 гг., включая письма Фейербаху. Освоив метод материалистической критики умозрительных спекуляций, Фейербах, однако, на этом основании не усомнился в правомерности, ценности традиционного образа философии вообще. Напротив, именно в эти годы он усиленно трудился над разработкой собственной позитивной доктрины — философии человека, долженствующей, по его замыслу, заменить гегелевскую систему и христианство совокупно. Но на поверку концепция Фейербаха оказалась столь же родственной религии, как и гегелевские представления [11]. Молодой Маркс, положительно относившийся в 1844—1845 гг. к фейербаховскому гуманизму, «читал» Фейербаха сквозь призму собственных социально-политических идей. В «философии человека» он увидел «философскую основу социализма». Однако и в фейербахианстве он более всего ценил критическую сторону — развенчание гегелевской философии и идеалистической традиции в целом [12].

В закрепившемся веками типовом образе философии при всей его ценности Маркса не удовлетворяла теперь степень абстрактности мысли, значительная удаленность ее от конкретной исторической действительности, от реальной жизни и борьбы, от проблем и мук современности. Важнейшей задачей философии, какой он хотел бы ее видеть, Марксу представлялся в это время материалистический философский критицизм, призванный приносить действенную пользу страждущему человечеству. Так, пока в самом первом приближении пояснялась идея «философии на службе истории».

В ходе дальнейших размышлений Маркс (совместно с Энгельсом) [13] пришел к выводу, что фейербаховская критика традиционной философии, как и его позитивная доктрина, все же менее содержательны и глубоки, чем философская теория Гегеля.

Возможности других гегельянцев того времени (Б. Бауэр, М. Штирнер) в деле соперничества с учением великого мыслителя оцениваются еще ниже. Маркс осознает: иллюзии идеалистически понятых «прав разума», во многом развенчанные Фейербахом, действительно беспочвенны, бесплодны и вредны, вместе с тем они не помешали великим мыслителям достичь высоких теоретических результатов. Усвоив уроки Фейербаха, а также материалистически переосмысливая глубокие гегелевские идеи, Маркс приближался к более сложной и емкой картине реальной жизни философии. Этот процесс сопровождался острой критикой, переосмыслением веками складывавшихся прежних представлений о миссии философов.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ. КРИТИКА ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ФИЛОСОФИИ

Новый подход к философии складывался у Маркса в середине 40-х годов XIX в. в контексте рождающихся материалистических взглядов на общество. Разрабатывая идеи материалистического понимания истории, Маркс уделил большое внимание анализу природы философии в работе «Святое семейство» (1845). Кратким наброском нового понимания явились «Тезисы о Фейербахе» (1845), где центральное место занимала мысль о главенствующей роли исторической практики в жизни общества, а сознание характеризовалось как производное от нее. В развернутой форме новое видение философии предстало в написанной Марксом в соавторстве с Энгельсом «Немецкой идеологии» (1846—1847). Пересмотр ранних позиций осуществлялся в 1845—1846 гг. и сопровождался решительным, пожалуй даже слишком решительным отказом авторов от еще недавно казавшихся им несомненными, вселявшими надежды представлений.

В работах Маркса и Энгельса начиная с весны 1845 г., т. е. с «Тезисов о Фейербахе», резко меняется тон высказываний о философии. Вместо высоких оценок ее как суверенной и первичной духовной силы, способной — по мере воплощения идей в жизнь — изменять мир, появляются иронические, а порой и вызывающие слова о «философских иллюзиях», о философах как «жертвах общества», «овцах в овечьей шкуре» и др. Ожидание революционных перемен вытесняют сетования на отсталость, архаичность культуры и социальных порядков Германии. Гордость немецкой философской мудростью сменяется разочарованием: насыщенная философией атмосфера духовной жизни Германии расценивается теперь как свидетельство социально-экономической и политической незрелости общества. Попытки левогегельянцев активно воздействовать на общественные порядки — посредством критики христианской религии, синтеза философских идей с французскими общественно-политическими учениями и другими способами — теперь характеризуются как бессильные, ненужные и даже прямо враждебные прогрессу немецкого общества [14].

В «Немецкой идеологии» выражена острая неудовлетворенность ее авторов уровнем, характером, темпами общественного развития своей страны, выливающаяся в несколько обескураживающую критику всего немецкого. Содержание и тональности текста обнаруживают нотки исторического нетерпения, досады на медленное изживание феодализма, вялый процесс социально-экономического и политического обновления общества. Как тщетные, иллюзорные оцениваются теперь и упования на философскую мысль как мощный фактор общественных перемен [15].

В нашей литературе нередко стараются не замечать изменения взглядов Маркса на философию, что особенно наглядно проявляется в ссылках лишь на его ранние, завышенные ее оценки. Все же критические суждения (о преувеличении влияния философской мысли на общественную жизнь и др.) советские авторы, как правило, относят только к младогегельянству, предпочитая не замечать множества высказываний не только частного, но и обобщающего характера. Психологически понятна также склонность связывать критику философии лишь с конкретным хронологическим периодом формирования новых взглядов Маркса и Энгельса, оценивать ее как «болезнь роста». Иначе говоря, специалисты вольно или невольно обходят эту «неудобную» тему в работах основоположников марксизма как некий казус, на который лучше закрыть глаза. Мы не хотели бы идти по этому пути. Для пользы дела следует высветить в основополагающей доктрине Маркса все неясное, поставить точки над «и». Время для этого пришло.

Резкое изменение взглядов на философию во многом представляется нам чертой духовной биографии Маркса. Пожалуй, Маркс преобразовывал прежде всего не чью-то, а собственную позицию в философии, анализировал не чужую, а свою «прежнюю философскую совесть», как он признался впоследствии при объяснении мотивов написания «Немецкой идеологии» [16]. В суровых оценках философской мысли своего времени в этой работе слышится самокритичное развенчание собственных философских иллюзий. Не исключено, что именно это обстоятельство придало критике, проходившей под знаком идеи «конца философии», столь наступательный, деструктивный характер. Позднее тон размышлений о предшествующей философии в работах Маркса и Энгельса станет спокойнее, корректнее. И все же общая суть позиций не изменится.

Разочарование состоянием философской мысли относилось прежде всего к выродившимся вариантам послегегелевской философии. Вместе с тем подвергается критике с новых историко-материалистических позиций также ряд черт традиционного образа философии в целом, черт, свойственных и самым высоким образцам философской мысли в немецкой и мировой классике.

Тема критики, ниспровержения традиционной философии была знамением времени (конец XVIII—первая половина XIX в.). Достаточно вспомнить глубокую критику догматической метафизики в трудах Канта и то существенное изменение взгляда на философию, к которому он пришел. Нельзя не учесть также куда

менее глубокое, но уж совсем категоричное отрицание познавательной значимости и социальных функций метафизики, прозвучавшее и долго не умолкавшее в позитивизме. Подобные настроения безусловно отразили объективное изменение требований к философской мысли в новых исторических условиях, нараставшее осознание важности опоры на массивы научных знаний и осмысление сложной, динамичной общественной практики. Без такой опоры (к этому убеждению пришли и основоположники марксистской мысли) философия вырождается в оперирование «пустыми понятиями», приходит к банкротству [17].

Имея в виду изжившую себя, уходящую с исторической сцены отвлеченную метафизику, особенно ее худшие образцы, авторы «Немецкой идеологии» призывали: «Нужно „оставить философию в стороне"... нужно выпрыгнуть из нее и в качестве обыкновенного человека взяться за изучение действительности. Для этого и в литературе имеется огромный материал, не известный, конечно, философам» [18]. Но если философия опирается на науку, на реальное изучение бытия, это в корне меняет ее облик. В первой главе «Немецкой идеологии», содержащей обобщающие теоретические выводы, формулируется следующее хорошо известное положение: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей» [19]. Сопоставление мыслей, высказанных в «Немецкой идеологии», с многочисленными более поздними формулировками Энгельса в работах «Анти-Дюринг» и особенно «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», убеждает в неизменности резко критического отношения Маркса и Энгельса к традиционному самосознанию философов, к их пониманию своей миссии. Идея «конца философии» подразумевала коренное преобразование в марксизме «образа философии», прежде всего — радикальное освобождение от философских самоиллюзий, расшатывание установки на особые квази-религиозные функции философии в общественной жизни, духовной культуре.

Заявления о «конце философии» в сочинениях основоположников марксизма давали и впредь могут дать повод для искаженного их толкования. В частности, они могут быть использованы для подкрепления вульгарных сциентистско-техницистских нападок на философию. Между тем суть их совсем иная.

Историко-материалистическое учение об обществе позволило понять, что философы идеалистически преувеличивали значение своей деятельности и возможности ее влияния на действительность. В сложном движении общества они выделяли лишь изменения сознания и склонны были усматривать в этом результат творчески-преобразующего воздействия на взгляды, отношения, нравы людей профессионально-философской теоретической деятельности, якобы ничем не обусловленной извне [20]. Теперь такого рода самооценка характеризуется как профессиональная иллюзия

духовного труда, которую разделяют с философами юристы, политические лидеры, работники искусств, религиозные деятели и др.

Открытый и теоретически осмысленный Марксом материалистический подход к социальной действительности и роли в ней духовных факторов ставил под сомнение претензии на внеисторический характер любого социального теоретизирования, на создание предельно общих, догматических (построенных вне учета исторических многообразий и перемен) учений-доктрин. Историзм выступал как важнейший аргумент против догматизма.

Раскрыв механизмы социально-исторической детерминации философского сознания, Маркс подверг критике иллюзию о сверх исторической позиции, о всемогущем и универсальном характере философского разума. Подчеркивалась несостоятельность претензий философов на окончательное суждение о действительности. Расшатывалась ориентация на создание вневременных, всеобъемлющих систем, непригодных для исследования подлинной социально-исторической действительности. Так, в «Немецкой идеологии» разъяснялось, что с помощью гегелевских схем нельзя понять реальные общественные проблемы.

Переосмысление философской традиции заключало в себе и еще один момент — стремление выйти из языковых конструкций немецкой спекулятивной философии («абстрактной и темной гегельянщины»), закреплявших большую дистанцию между философией и действительной жизнью. Осознавалось, что обращение философов к жизненно важным проблемам требует от них более конкретных и реалистичных, более понятных размышлений, побуждая к преодолению отчужденно-обособленного характера «философского языка». Этому придавалось большое значение.

В рассуждениях о «конце философии» в 1846 г. звучал также мотив отказа от профессиональной философской деятельности. Это требует пояснения. Дело в том, что в позитивном плане новый подход подразумевал принципиальное изменение сути философского труда: изучение действительности не традиционными умозрительно-спекулятивными, а научными методами, а также прямое участие философов в практической жизни, в изменении реального бытия. Нежелание Маркса и Энгельса именовать себя профессиональными философами, по-видимому, выражало также установку на преодоление «цехового» разделения труда в современном им познании и духовной деятельности вообще и, разумеется, протест против традиционной обособленности философии. Стирание дисциплинарных границ, комплексный подход, использование философии как методологического «инструментария» научного исследования и основы для формирования программ политического и другого действия — все это становится особенно актуальным, если на первый план вынесены, как это сделал Маркс, *практические* задачи.

Роль, прежде отводившаяся философии, больше не удовлетворяет Маркса. Симптоматичен, с этой точки зрения, его одиннадцатый тезис о Фейербахе: «Философы лишь различным образом

объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [21]. Кстати, наибольшую досаду в мышлении левогегельянцев вызывало теперь у Маркса то, что оно не ориентировано на реальные силы и тенденции социального обновления, на формирование программ революционного переустройства общества. Содержание одиннадцатого тезиса о Фейербахе созвучно высказываниям Маркса и Энгельса о необходимости «выпрыгнуть из идеологии», т. е. из области сугубо абстрактного мироуяснения, не осознающего своей собственной социальной заданности, перестать «перелицовывать изношенные философские сюртуки», стать людьми практики.

Действительно, для Маркса и Энгельса, активно вошедших в европейское революционное движение, стремившихся в 1845—1847 гг. к практическому оформлению и развитию «исторического движения коммунистов», классическая позиция философа-мудреца, члена «совета стражей», «учителя жизни» и т. п. — с претензиями на высшую мудрость и поучения непросвещенных — казалась уже не просто неистинной, но и во многом архаичной, даже комической. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что импульсы теоретическому мышлению дает жизнь, практика, реальное участие мыслителей в бытии. Теоретическое сознание призвано осмысливать *опыт исторического движения* и на этой основе указывать пути развития, цели, идеалы, а не наоборот, как это традиционно представлялось философам. Это был новый подход. В классическом понимании философии — и в «метафизическом» и в «радикально-критическом» его вариантах — такая задача не ставилась и поставлена быть не могла.

Нельзя закрыть глаза и на то, что критические размышления Маркса о предназначении философии оказались тесно связанными с проблемой выбора им собственного жизненного пути, области профессиональной деятельности. Биографическим фактом является его уход из философии, посвящение себя историческим, а затем экономическим проблемам. Во многом в плане личного поиска более конкретной и результативной сферы приложения своих собственных сил, по-видимому, следует осмысливать совет Маркса «отойти от философии». Вместе с тем биографические мотивы в поисках новых позиций тесно сплетаются с важными теоретическими соображениями.

С *теоретической* точки зрения глубокие раздумья Маркса о «ремесле философов» никак не предполагали выводов в духе позитивизма — о смерти, гибели философии, исчерпанности ее функций. Критическое отношение к слабым сторонам традиционной философии, ярко выраженное в соответствующих текстах Маркса и Энгельса, никоим образом не сводилось к однозначному деструктивному отрицанию философии, как это интерпретировали известные западные теоретики первой половины XX в.[22] Речь шла о другом. Провозглашая «конец философии» в старом смысле слова (это позже прямо пояснил Энгельс) [23], Маркс обосновывал усиление роли философии в новом ее понимании. Он выдвинул

программу коренного переосмысления познавательно-теоретических и жизненно-практических задач, которые призваны решать философы.

Переход от идеалистического к материалистическому пониманию общественной жизни и роли в ней духовных факторов обернулся для Маркса и более зрелым толкованием природы философии, преодолением искаженных, завышенных представлений о ее исторической роли. При этом деструкции подверглась не классическая философская культура, а идеалистические иллюзии об общественной миссии философии. Идеалистический романтизм в понимании философии уступил место новому реалистическому подходу. С позиций историко-материалистического понимания общества Маркс стремился конкретно и трезво уяснить подлинную картину жизни философии, не умаляя, но и не преувеличивая ее реальных полномочий, возможностей. Верное понимание мыслей Маркса актуально в наши дни, требующие серьезного философского осмысления всего происходящего в современном мире, формирования нового реалистического (а не иллюзорного, утопического) мышления.

3. НОВЫЙ ПОДХОД. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФИИ

Материалистическое понимание истории существенно преобразило сложившееся понимание философии как познания вечных законов и принципов природного и социального бытия. Новый подход отличался от сложившейся традиции, хотя в принципе сохранял все лучшее из наследия прошлого.

Что же пришлось пересмотреть в складывавшемся веками образе философии? В противовес традиционному представлению, философия была понята как знание, обращенное к общественной жизни людей, к истории. Многими нашими специалистами не вполне понята эта сторона дела. Об этом свидетельствуют, в частности, бытующие определения философии как учения о всеобщем, поиск универсальных законов, атрибутивных моделей бытия и пр. Распространен абстрактный внеисторичный подход к философии, ориентированный на инвариантные, устойчивые черты бытия, но внутренне не предусматривающий постоянной связи с жизнью, актуальными проблемами времени, эпохи, дня. При этом вообще весьма проблематичной, если вдуматься, оказывается причастность философии к общественным дисциплинам. Между тем главная мысль нового Марксова понимания философии состояла в том, что философия есть форма *социально-исторического* знания. Уяснение этого исключительно важно.

Анализ сочинений Маркса и Энгельса убедительно показывает, что философия включается в комплекс социально-исторических дисциплин. Поясняя выражение «исторический идеолог», Энгельс в письме Ф. Мерингу 14 июля 1893 г. отмечал: «Исторический

означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе» [24]. Кроме того, перечисленные формы идеологии рассматриваются как исторические, поскольку изучают различные срезы общественной жизни, понимаемой как исторический процесс. Для осмысления новой трактовки философии важно постоянно иметь в виду основные моменты Марксова понимания исторического познания и в первую очередь самого предмета его изучения — человеческой истории.

Известно, что социальные мыслители до Маркса считали главной духовную, идеологическую сторону общественных процессов. Им представлялось, что политическое, правовое, религиозное, философское, нравственное и другие типы общественного сознания живут и изменяются по своим сугубо внутренним законам. Обусловленность сознания внешними по отношению к нему факторами не принималась в расчет, напротив, ему приписывалась роль главного двигателя истории. Эта идеалистически искаженная, перевернутая «с ног на голову» картина общественной жизни не позволяла понять ни реального содержания, ни подлинных механизмов рождения, развития, смены идей, взглядов, теорий.

Кроме того, предмет социального познания — общественная жизнь в различных ее аспектах — традиционно представлялся столь же неизменным по своей сути, как и метафизически толкуемый предмет естествознания — природа. Внеисторическому «образу» общества соответствовало метафизическое представление о социальном познании как постижении универсальных истин о человеке, о вечных законах существования человеческого рода.

Марксу удалось выстроить сначала в самых общих чертах, а позже более конкретно и основательно принципиально иную картину общественной жизни. Человеческая история предстала в его понимании как сложный «сплав» реальной жизни людей (формы производства, социально-экономические, политические структуры и пр.) и всевозможных духовных составляющих этой жизни во взаимодействии, процессуальной сопряженности, переплетении того и другого. Важнейшим основоположением материалистической концепции общества явилось уяснение принципиальной обусловленности идей, теорий, правовых установлений, моральных максим и других проявлений сознания реальным жизненным процессом, общественным бытием. Как сформулировано в «Немецкой идеологии», «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [25]. Наконец, Маркс подчинил анализ всех социальных явлений принципу материалистически понятого историзма. Он постоянно исходил из того, что человеческая история есть сложный процесс накапливающихся, передаваемых от предшествующих поколений последующим, нарастающих, необратимых изменений всей связной совокупности общественных явлений.

Преодоление искаженно-идеалистического, антиисторического подхода к обществу, формирование принципиально новой концепции общественной жизни позволило увидеть в новом свете и суть исторического познания. Маркс утвердил новые принципы социального мышления, обращенного к конкретно-историческому развитию общественной жизни в научно-материалистическом ее понимании. На этой основе были разработаны также общие принципы историко-материалистического подхода к духовной стороне общественной жизни, включая философию, которой было уделено большое внимание.

Толкование философии как формы социально-исторического знания сказалось и на понимании сути философских проблем. Классическим мировоззренческим проблемам (познания, личности, свободы и др.) Маркс дал новое освещение, развенчав иллюзию их сугубо абстрактного, вневременно́го характера. Помимо смыслового единства и преемственности, он открывал в них также исторически конкретное своеобразие. Так, отношение «человек — природа», сохраняя свою устойчивость, вместе с тем, осмысливалось как исторически изменчивое, опосредованное развитием материально-предметной (промышленность и пр.) и другой деятельности людей, незавершенное, открытое для новых, грядущих изменений [26]. Этим исключалась возможность сугубо умозрительного решения проблемы «раз и навсегда». Подобные притязания Маркс расценивал теперь как простую иллюзию философов. Для уяснения реального содержания данной проблемы в ее историческом масштабе требуется большой эмпирический материал, основательное изучение конкретной истории. Причем сегодня мы знаем лучше, чем когда-либо, что данная проблема действительно открыта, способна в разные периоды принимать иной характер, в том числе становиться очень острой глобальной проблемой человеческого существования, какой она выступает в наши дни. И дело не в особенностях этой конкретной проблемы. В концепции Маркса исторически интерпретируется суть философских проблем вообще.

Не менее четко и убедительно новый исторический подход проявился, например, в истолковании проблемы свободы, занимавшей, как известно, важное место в немецком классическом идеализме. Так, Кант считал ее одной из основных проблем метафизики вообще, большое значение придавали ей Фихте, Шеллинг, Гегель. Привлекла эта проблема и внимание Маркса. В «Немецкой идеологии» она рассматривалась в контексте критического анализа взглядов Штирнера. Проблеме свободы Маркс также дал историко-материалистическое истолкование: обретение свободы предстало как длительный процесс, коренящийся в закономерностях исторического развития человеческого общества и имеющий в каждую эпоху свое конкретное содержание, неповторимые черты. Становится понятным, что философское осмысление проблемы свободы, в понимании Маркса, так же требует глубокого научного, позитивного знания истории, конкретного изучения тенденций и

форм развития человечества, или «действительных коллизий» исторического процесса [27]. Причем философский анализ проблемы предполагает также умение различать, что конкретно являлось, а что представлялось «свободой» («несвободой») людям различных исторических эпох и формаций.

Таким образом, в свете историко-материалистического подхода классические философские проблемы утратили облик неизменных, умозрительно решаемых абстрактных проблем. Марксу удалось найти их искомую «земную основу»: они предстали как фундаментальные противоречия живой человеческой истории. Исследование таких проблем требует не просто спекулятивных конструкций, но тщательного изучения закономерностей и тенденций общественно-исторического развития. Причем никакое теоретическое решение не должно мыслиться как окончательное, снимающее проблему. Содержание философских проблем оказывается динамичным, процессуальным, как сама история, что накладывает отпечаток и на характер их решения, призванного резюмировать прошлое, определять конкретный облик проблемы в современных условиях и прогностически осмысливать будущее.

Существенно новым было также понимание философских проблем не как «чистых» проблем сознания, а как проблем *общественного бытия*, которые объективно возникают и разрешаются в жизнедеятельности людей, в практике. Понимание практического смысла философских проблем было кратко сформулировано еще в «Тезисах о Фейербахе», где статус не только теоретической, но и практической получила, например, проблема отношения мышления к бытию, в частности в таком аспекте, как проблема истины (второй тезис). Не только в теоретической, но и в практической плоскости мыслилась проблема свободы, понимаемая как «всемирно-историческая борьба» [28]. Похожим образом в «Немецкой идеологии» характеризовалась проблема отношения общества к природе. И опять-таки речь шла не об особом взгляде на две-три проблемы, а о принципиально новой общей концепции философии и ее предназначении исследовать и решать реальные проблемы развития человечества, имеющие долгую, в известном смысле «вечную» жизнь в истории, но вместе с тем принимающие в каждый конкретный период особую, не допускающую стандартного решения форму. Из всего этого следовали далеко идущие выводы о миссии и характере труда философов.

В «Немецкой идеологии» вдохновляющий молодого Маркса образ философа-мудреца сократовского типа сменился идеалом философа, сочетающего в себе «человека науки» и «революционера». Единство научно-теоретической и революционно-практической деятельности стало программой всей дальнейшей жизни и творчества основоположников марксизма. Реализация этой программы оказала и продолжает оказывать огромное влияние на мировую историю.

Философия в новой ее интерпретации предстала как обобщенная концепция общественной жизни в целом — практики, позна-

ния, политики, права, морали, искусства, науки (в том числе естествознания) и др. в их соподчинении, взаимодействии. По способам своего получения и по сути философия была понята как «итог, сумма, вывод» [29] истории. Вместе с тем речь шла не просто о растворении философии в историческом познании. По мысли Маркса, философия призвана осмысливать историческое знание, воссоздавать на этой основе обобщенные теоретические образы интересующих ее феноменов и целостную картину их взаимодействия, корректировать, обогащать свои теоретические построения в соответствии с новыми тенденциями, перспективами.

Все это требует особой методологической ориентации — философского критицизма. Ведь закономерное, существенное не предстает в непосредственно феноменальном виде. Его открытие подразумевает отрицание внешней, непосредственной данности общих тенденций, их закрепленности в исторически преходящих реальных явлениях и разных типах сознания. В том числе важнейшей обязанностью философа, как и любого другого исследователя-теоретика исторических реалий, Маркс считал объяснение механизмов появления и существования «феноменов», искажающих действительную природу предмета, снятие всех и всяческих деформаций объективного содержания проблем.

Только теоретик, критически учитывающий искажающие факторы, может «вырваться» из оков плоского эмпиризма, ошибочно принимающего данность в качестве закономерности. Вместе с тем критицизм предостерегает, по мысли Маркса, и от другой крайности — спекуляции как процедуры поверхностной рационализации эмпирии, «перевода» неосмысленного феноменального содержания в категориальную форму. Марксу представлялось, что критически мыслящий философ-материалист застрахован от крайностей эмпиризма своей принципиальной установкой на поиск и исследование законов и тенденций развития данной области, исходным критическим отношением к самой эмпирии. Противоядием же от спекулятивных крайностей мыслилось постоянное обращение к эмпирическому материалу познания, требование коррекции теоретического мышления опытом, его ориентации на существенное, закономерное в различных процессах.

Наконец, методологическая ориентация философа подразумевает двойную направленность исследования — на опытно-феноменальную данность предмета познания, с одной стороны, и на различные, в том числе теоретические, типы отражения этого содержания в сознании — с другой. Нам представляется, что философский анализ, в понимании Маркса, направлен на особые «блоки» социально-исторической жизни, в которых объективные, независящие от людей реалии и человеческие способы действия (практические, познавательные, ценностные) с ними тесно сплавлены, переплетены. Их понимание предполагает сложные процедуры объективации, разграничения «субъектного» и «объектного», независящих от человека реалий и форм, приемов их освоения в предметных и иных действиях людей. Отсюда

рефлексивный — «биполярный», субъектно-объектный — характер всех типично-философских размышлений. Впрочем, это уже авторское прочтение, интерпретация мыслей Маркса.

Таким образом, Маркс не только сохранил, но и расширил поле критико-рефлексивного анализа, игравшего важную роль в классической философской традиции и во многом определившего ее плодотворность. Однако условия применения такого анализа — при социально-историческом подходе к философии — предстали в куда более сложном виде. Воссозданная Марксом реалистичная картина исторической жизни философии явно и неявно заключала в себе ряд характерных трудностей философствования, остававшихся завуалированными в идеализированных, «абсолютистских» концепциях. Некоторые из них выявились сразу, побудив Маркса к напряженным раздумьям.

4. АНТИНОМИИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

«Теоретическое бесстрашие» (Энгельс), мудрая критичность философской мысли традиционно связывались с преодолением различных искажений, помех («идолов») и достижением некоей абсолютной системы отсчета типа декартовского «Cogito», кантовского «трансцендентального субъекта», гегелевского «абсолютного сознания» и др. Маркс же обнаружил иллюзорность таких представлений, раскрыв социально-исторический характер не только предмета философского уяснения, но и самой *исследовательской позиции* философа, зависимость его мышления от множества социальных предпосылок. Было осознано, что философ выступает всякий раз не просто как «чистый теоретик», но как человек своего времени, выразитель его проблем. Он включен в ту или иную историческую действительность, детерминирован ею как познающий субъект, выступает носителем тех или иных культурных традиций, определенной классовой психологии и пр. Это позволяло понять, что в истории не существует «чистых смотровых площадок», интеллектуальных «точек», с позиций которых было бы заведомо возможно абсолютное философское познание.

Более того, Марксов подход четко выявил также социальную ориентированность, или «партийность» философии. Проистекающие отсюда трудности получения объективных результатов в социальном познании были наиболее четко эксплицированы применительно к политэкономии в послесловии ко второму изданию «Капитала». Маркс подчеркнул, что политическая экономия в условиях классового антагонистического общества носит классовый характер и потому позиция «абстрактного теоретика» в качестве исходной в ней просто невозможна. Условия же, при которых здесь может достигаться научная объективность, исторически редки, ибо господствующие классы приспосабливают социальное знание для своих целей. Это имеет силу и для философии, где, по мысли Маркса, ситуация аналогична.

Таким образом, уяснение исследовательской (критико-рефлексивной) позиции философа (социального теоретика вообще) сталкивается с *антиномией обоснования*. Альтернатива такова: либо вера в безусловную мощь и объективность философской мысли за счет сохранения иллюзии о теоретической беспристрастности философа, либо признание его социальной «ангажированности» и как следствие сомнительность научной объективности философской мысли. Притом не удается ни безусловно принять, ни безусловно отбросить ни ту, ни другую позицию.

В связи с пониманием философии как формы исторического знания, постоянно изменяющегося и следующего в своем изменении за развитием человеческого общества, а также в связи с осознанием социальной обусловленности философской мысли остро встал вопрос об *исходной теоретико-методологической ориентации* философа. Что можно предложить взамен «чистого разума» как гарантии объективности и санкции на теоретическое вмешательство в земные дела, которой пользовалась вся классическая философия? Ведь в противном случае мы попадаем в плен субъективистских подходов и релятивизма. В поисках решения вставшей перед ним антиномии-проблемы (в несколько ином ключе об этом всерьез размышлял и Гегель), Маркс пришел к выводу: для исследователя, стремящегося к научной объективности и теоретической честности, единственным выходом из столь сложной ситуации может быть сознательная идентификация своей научно-мировоззренческой позиции с ориентацией самых прогрессивных общественных сил истории, заинтересованных в объективном, истинном познании.

В первой главе «Немецкой идеологии» было сформулировано положение о «всемирно-историческом характере» коммунистического движения [30] и, соответственно, о всемирно-исторической роли пролетариата — созидателей материальных и духовных общественных благ, «живущих только своим трудом» и не имеющих какого-либо другого обеспеченного источника существования [31]. Во избежание узкого толкования заметим, что понятие «пролетариат» отнесено у Маркса не только к конкретной реалии — классу капиталистического общества, который может быть в определенных условиях и не вполне зрелым, не осознавать исторических перспектив и пр. Это вместе с тем и более сильное, расширительное понятие. Оно подразумевает общественные силы, выражающие наиболее прогрессивные тенденции, будущее всемирно-исторического движения. Сознательно взятая на себя функция выражения таких тенденций, по мысли Маркса, позволяет избежать социально-групповой, национально-культурной, конкретно-исторической ограниченности, от которой, как правило, не уберегала древняя философская традиция уяснения мира с позиций «абстрактного теоретика». Нельзя упускать из виду, что основоположники марксизма постоянно стремились к исследованию социальной реальности не в узко классовом, а в общечеловеческом и общенаучном масштабе, притом в единстве исторического и теорети-

ческого подходов. Критерий «всемирно-исторический» оставался для них важнейшим постоянно действующим критерием, основой соединения научно-теоретической и практической сторон деятельности.

Маркс был убежден, что помочь мировой истории, облегчить ей «муки родов» способна лишь научная, притом действенная теория общественного развития. Лишь ориентируясь на передовые общественные силы, теоретик становится восприимчивым к диалектическому характеру действительности, к решению ее противоречий, оказывается способен сочетать «критику предмета» и «критику теории предмета», рассматривать действительность, а также теоретические и духовно-практические формы ее отражения, постоянно соотнося их друг с другом. Чтобы избежать «перекосов», стать подлинным выразителем движения, теоретик должен, по мысли Маркса, постигнуть его общеисторические перспективы и, вместе с тем, историчность, преходящий характер всех его наличных форм.

Итак, философские проблемы в новом их понимании требуют глубокого научного изучения и жизненно-практического решения. В свете такого подхода философу предъявляется серьезный и ответственный социальный заказ: выявлять «всемирно-историческое русло» развития общества и исследовать закономерности этого развития, а также стремиться к научному самоопределению своего места в практическом движении, ориентируясь на реальные силы, представляющие общественно-исторический прогресс не в его локальном (национальном, региональном и пр.), а во всемирно-историческом масштабе.

По сути это была программа философской деятельности, созданная Марксом во второй половине 1840-х годов и реализованная автором лишь частично. Политическая борьба, публицистика, многолетние экономические исследования почти вытеснили из жизни Маркса философское творчество как таковое. Во всяком случае философских сочинений Маркс не писал и протестовал против того, чтобы его социально-экономическая теория рассматривалась как философская. Иное дело, что все его теоретическое творчество включало в себя философские идеи, было пронизано ими. Но выделение философской составляющей творческого наследия Маркса — особый вопрос, требующий специального анализа. Во второй половине XIX в. большую работу в области философии проделал Энгельс, популяризируя мысли Маркса и их общие с Марксом идеи. Но тексты показывают, что Энгельс, внося свой собственный вклад в развитие философии, многое видел и трактовал иначе. Представляется, что и в его трудах Марксова программа развития философии не получила достаточно полного и последовательного осуществления. Умаляет ли это ценность самой программы? Думается, что нет.

Наиболее существенной в Марксовой программе представляется нам мысль о том, что философия должна базироваться на осмыслении человеческой истории. При этом, как уже говори-

лось, имелось в виду не фактическое описание исторического процесса, а выявление закономерностей, тенденций истории. Значит ли это, что философ представлялся Марксу теоретически мыслящим *историком*? Нет. Скорее он увидел в нем *теоретика*, особым образом обобщающего исторический материал и формирующего на этой основе философско-теоретическое миропонимание.

Классическая традиция связывала философию с постижением вечных принципов понимания мира и человеческой жизни. Маркс вступил в спор с таким пониманием, подчеркнув, что философская мысль обращена к общественно-исторической жизни людей, подверженной изменению, развитию. Но здесь раздумья о предназначении философии сталкиваются с антиномией *вечного* и *временного*, а также с антиномиями *инвариантного* и *варьируемого* в философских уяснениях, *социально пристрастного* и *теоретически объективного*, *общечеловеческого* и *группового*.

Размышляя о предназначении философии, приходишь к выводу о том, что философия всегда пронизана такими антиномиями, ей суждено жить и осуществлять себя в этом «поле напряжения». Анализ обнаруживает антиномии философствования и в раздумьях Маркса, предпринявшего ряд шагов к их преодолению. Так, выражение прогрессивных тенденций исторического развития не находится, в понимании Маркса, в неразрешимом противоречии с теоретической независимостью, научной обоснованностью философского ви́дения мира. Вместе с тем теоретическая глубина и дальновидность философского миропонимания всякий раз требует напряженной работы, преодоления всевозможных «помех», осложняющих реализацию этой задачи. Маркс полагал, что обращение к опыту истории позволяет отличить *подлинные* ценности от *мнимых*, *вечные* от *сиюминутных*, *групповые* (региональные, национальные, государственные, классовые и др.) от *общечеловеческих*, *всемирно-исторических*. Это, безусловно, глубокая мысль, требующая внимания. Вместе с тем сегодня остро осознается важность непреходящих человеческих ценностей, что подтверждает правоту и таких философов, как Кант и др., защищавших самые высокие человеческие ценности, понятые как нравственные абсолюты.

В Марксовой философской программе были высвечены многие реальные тенденции изменений в философии, проанализированы ее теоретические возможности и идеологические ограничения, ее место в культуре, так или иначе реализовавшиеся в ситуациях XX в. В определенной степени были выявлены глубинные антиномии философствования, намечен перспективный путь развития философии в ее открытости к реальным историческим судьбам и проблемам человечества. Уже на данной стадии анализа созданного Марксом «образа» философии возникает ряд тем для размышлений [32]. Скажем, насколько всесторонним и адекватным следует считать анализ Марксом классической философской традиции? Удается ли ему в целом выйти за ее пределы в програм-

мном понимании философии как формы социально-исторического знания? Или же это была лишь трансформация, перенос в новую систему уяснения идей и установок той же самой классической философской традиции, против которой Маркс и выступал? Если это так, в чем тогда состоит совершенная им трансформация философской традиции? Возникает также немало других проблем, ждущих своего уяснения.

Философия, развивавшаяся в марксистской традиции, сегодня остро нуждается в критическом прояснении своих собственных теоретических предпосылок, принципов. Эта работа давно назрела. Но положение дел таково, что и «марксопочитание», и начавшееся в нашей периодике «обличение» Маркса, к сожалению, в равной степени апеллируют к набору «марксоподобных» представлений, не опираясь на тщательный анализ фундаментальных работ. По нашему убеждению, к изучению творческого наследия Маркса вообще и к его программе развития философии в частности нужно сегодня отнестись серьезно, сохраняя необходимую историческую дистанцию, должное уважение, вместе с тем избегая слепого почитания, фетишизации. Наше время позволяет выполнить такую работу и настоятельно требует этого.

[1] Процесс формирования мировоззрения Маркса в целом представлен в фундаментальных работах: *Корню О.* Маркс К. и Энгельс Ф. Жизнь и деятельность М., 1959. Т. 1; М., 1961. Т. 2; М., 1968. Т. 3; *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. М., 1986; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1974.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 16.

[3] *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 75.

[4] Об отношении Маркса к «левому гегельянству» см.: *Малинин В. А., Шинкарук В. И.* К. Маркс, Ф. Энгельс и левое гегельянство. Киев, 1986.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 198—199.

[6] См.: Там же. С. 392.

[7] Маркс взывал к *«беспощадной критике всего существующего»*, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379).

[8] Маркс защищал право людей, посвятивших себя философии, на публицистику, участие в издании газет, в практической борьбе политических партий. Это, конечно, несколько меняло складывающийся в веках образ философа.

[9] Известно, что Маркс публично признал себя коммунистом в конце 1844—начале 1845 г. в «Святом семействе».

[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 422—429. Идею активности философского сознания по отношению к действительности в классической немецкой философии особенно настойчиво проводил Фихте.

[11] Данное обстоятельство было отмечено младогегельянцами (М. Штирнер), но теоретически его несколько позже расшифровал и объяснил Маркс.

[12] Об отношении Маркса к творчеству Фейербаха 40-х годов см.: *Schuffenhauer W.* Feuerbach und der junge Marx. B., 1972.

[13] Это нашло отражение в работе «Немецкая идеология» (1846—1847).

[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 11, 13—18, 39—41, 172—173, 223—225, 457—459.

[15] Сегодня нам острее, чем когда-либо, психологически понятна досада Маркса на инертность, застойность общественной жизни Германии 40-х годов XIX в., осознание невозможности просто силой мысли сдвинуть с «мертвой точки» сложную систему общественной жизни, добиться быстрых перемен. Опыт преодоления застойных явлений в советском обществе, его революционное обновление,

перестройка воочию убеждают в справедливости положений исторического материализма об объективном характере общественных структур, о невозможности, притом скорейшим образом, воплотить в реальные экономические, социальные, юридические, политические процессы даже самые глубокие, прогрессивные, смелые идеи. Оздоровление советского общества, нарастание прогрессивных тенденций тоже идет сложнее и медленнее, чем хотелось бы тем, кто активно принял идеи перестройки.

[16] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 8.

[17] См.: Там же. Т. 3. С. 225—226.

[18] Там же. С. 225.

[19] Там же. С. 26.

[20] См.: Там же. С. 171—172.

[21] Там же. С. 4.

[22] См.: *Korsch K.* Marxismus und Philosophie, Leipzig. 1930. S. 67—68; *Marcuse H.* Reason and revolution. Hegel and the rise of social theory. Boston, 1964. S. 250—260.

[23] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., Т. 20. С. 142.

[24] Там же. Т. 39. С. 83.

[25] Там же. Т. 3. С. 25.

[26] См.: Там же. С. 43.

[27] См.: Там же. С. 432—434.

[28] См.: Там же. С. 434.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

[30] «Коммунизм... вообще возможен лишь как „всемирно-историческое" существование» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 35).

[31] См.: Там же.

[32] «Образ философии», сложившийся у Маркса во второй половине 1840-х годов, в некоторых аспектах был им изменен и развит в 50—70-е годы. Это преимущественно касается методологических проблем, хотя не ограничивается лишь ими. Концепция философии, сформулированная Марксом в 1845—1846 гг., сложна и многомерна. Поскольку некоторые ее идеи затрагивались в последующих работах Маркса и сочинениях Энгельса, то для ее целостного воссоздания требуется учитывать весь комплекс работ, касающихся данной темы. И все же принципиальное значение имеет генезис новых позиций, тем более что сложившаяся в это время в общих чертах концепция в своей сути не изменится, а внесенные позже нюансы еще нуждаются в тщательном изучении.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКСИЗМА РАБОТА Д. ЛУКАЧА «К ОНТОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ»

М. А. Хевеши

«Всякая значительная философия стремится дать общую картину мира, в которой пытается синтезировать все взаимосвязи от космогонии до этики с тем, чтобы выявить актуальные решения, определяющие судьбы человечества как необходимый этап развития» [1]. Эти слова принадлежат известному венгерскому философу-марксисту Дьердю Лукачу, который на склоне лет предпринял